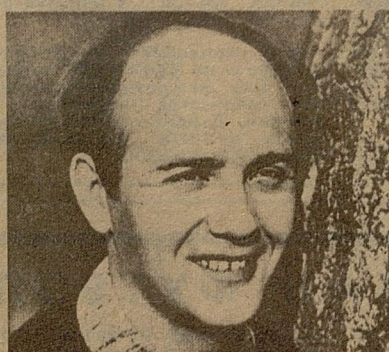

ВОСКРЕСНЫЕ ЧТЕНИЯ

Встреча

Такие вот «простаки»

Наш собеседник —
народный артист РСФСР
Леонид Куравлев

Несколько лет назад, рассказывая мне о том, как он пришел в кино, Куравлев заметил:

— Мой аттестат зрелости окончательно подтверждал невозможность его владельца заниматься точными науками. Надо было выбирать «авантюрную» профессию. Такой профессией мне тогда показалось актерство.

Вновь встретившись с Леонидом Вячеславовичем, я напомнил ему эти слова. Он улыбнулся:

— Я тогда выразился в том смысле, что судьба актера часто не зависит от него самого. Еще Немирович-Данченко назвал два главных слагаемых состоявшейся судьбы — талант и Его Величество Случай. В чем я убежден, так это в том, что случай играет большую роль в судьбе любого актера.

Судите сами. Пришла во ВГИК на занятия по вокалу Софья Абрамовна Милькина, сорежиссер Швейцера, заприметила меня, вернее, не меня, а то, как нелепо изображал я кавалера своей однокурсницы Софии Чиаурели, и рассказала обо мне Швейцеру. И он пригласил меня на роль матроса Камушкина в фильме «Мичман Панин». Но ведь Милькина могла зайти в другую аудиторию, на другой урок и заприметить другого студента... Не случай разве? Вот эта зависимость от случая и несет в себе то, что по молодости лет я назвал авантюризмом. Конечно, не совсем точное определение.

— А как вы считаете, ваша судьба в кинематографе сложилась?

— На этот вопрос не ответит вам определенно ни один из моих коллег. Кто из них решится утверждать, что исчерпал себя до конца? Репетиции, съемки, экспедиции, встречи со зрителями — это мои будни, из них складывается жизнь, судьба. Насколько хорошо она складывается — откуда мне знать? Мне некогда об этом думать. Работаю, занимаюсь любимым делом, этим и живю...

— Вашим дебютом был Камушкин в «Мичмане Панине»...

— Дебютом в полнометражном кино. Но я вовсе не хотел бы сбрасывать со счетов мое первое появление на съемочной площадке. Студентом я снялся в дипломной работе таких замечательных режиссеров, какими стали в будущем Андрей Тарковский и Александр Гордон.

После «Мичмана Панина» я встретился с режиссером, у которого многу научился в кино и в жизни. Я говорю о Василии Макаровиче Шукшине, у которого сыграл главную роль в его дипломной ленте «Из Лебяжьего сообщают...». Да, я считаю дебютом эту встречу с человеком, навсегда оставшимся в моем сердце.

Вообще же думаю, что каждая роль — это в известной мере дебют, потому что начинаешь с нуля, с постижения, волнуешься не меньше, чем в молодости. Даже больше, потому что опыт, некоторая известность обязывают...

— Вспоминается ваш Пашка

Колокольников из фильма Шукшина «Живет такой парень». По тем временам это был почти идеальный герой в кинематографе. Как вы думаете, изменилось ли с тех пор понятие «идеальный герой»?

— Признаться вам откровенно: представления не имею о том, что такое идеальный герой. И существует ли, может ли он существовать в природе? Ведь абсолюта, идеала в чистом, так сказать, виде ни в искусстве, ни в жизни не существует. Есть естественное стремление к нему. В любом виде человеческой деятельности. Пашка Колокольников — светлый для меня образ, как светло все, что связано с творчеством Шукшина. Но был ли Пашка идеальным героем? Стал бы именно таким создавать его Шукшин, который на редкость тонко и глубоко постигал человеческие характеры? Едва ли. Идеальным, если уж прибегать к этому определению, Пашка стал в критическую минуту, когда, рискуя собственной жизнью, спас созданный человеческим трудом. Пашка — собирательный образ современного молодого сибиряка. Но у него, как и у многих, были свои нехитрые хитрости, лукавство, какие-то человеческие слабости. Иначе он был бы просто схематичным. Главное, что Колокольников — на корню честный человек...

Не берусь судить о том, как изменился нынче идеальный герой, — по той простой причине, что не знаю, каким он был. Во всяком случае, если бы мне предложили сыграть именно идеал, насторожился бы: не знал бы, как и, главное, про что играть.

— Самая трудная и самая дорогая для вас роль?

— Трудных ролей было много, особенно в последние годы. Самая же трудная, пожалуй, Леня Шиндин в фильме Татьяны Лиозновой «Мы, нижеподписавшиеся...». Почему? Пришлось постигать и объяснять в этом человеке много парадоксального. Например, разве не парадокс — лгать... ради правды? Леня Шиндин дорог мне: в сущности, честный и искренний человек, он вынужден стать... другим. Ему приходится быть каким угодно, только не самим собой. К слову сказать, это было очень трудно — играть человека, в каждом кадре все больше и больше уходящего от себя истинного. Но это же было и интересно, потому что позволяло искать самый неожиданный поворот в поведении Шиндина. Добавлю еще, что в этой роли я старался сыграть то, что болит не только во мне лично, но в каждом порядочном человеке. К этому располагает драматургия Александра Гельмана.

— Леонид Вячеславович, как правило, амплуа ваших героев — «простаки», зритель считает вас комедийным актером.

— Что касается «комедийности» и «простоватости» моих персонажей, то я уже не раз приводил в пример героя «Афонии» Георгия Данелии. Теперь могу с не меньшим успехом «защищаться» и Леной Шинди-

ным. Простаки, они ведь тоже разные бывают. Такая сложность за иным простаком стоит, что и не снилась подчас драматическому герою. Разве Шиндин — комедийный персонаж? Не только. А Афоня? Он скорее трагичен, потому что его проглядели. Человека проглядели. Судьбу проглядели. А ведь он добрый, Афоня.

Каким актером считают меня зрители — комедийным или драматическим, в этом ли суть? После фильма «Мы, нижеподписавшиеся...» я получил много писем, в которых люди обсуждали положенную в основу картины ситуацию, словно взятую из жизни, припоминали похожие реальные конфликты, активно выступали за ломку отживших традиций.

Пишут ли такие письма комедийным актерам? Да и существуют ли комедии в чистом виде?

— На вопрос о планах актеры часто отвечают: «Хочу сыграть современника».

— Разумеется, я не против того, чтобы играть современников. Они в абсолютном большинстве люди со сложным и интересным внутренним миром, который питает и обогащает актерскую практику, помогает глубже проникнуть в природу человеческого «я». Все дело в том, что «сыграть современника» — это ответ вообще. Для меня современен, а значит, интересен человек, чьи мысли и поступки волнуют. Разве молюеровский Тартюф менее современен, чем какой-нибудь герой очередного киноромана, выдающий за оригинальные совершенно банальные, а порой и вовсе скучные истины? Современника можно сыграть и в Раскольникове, и в Петре Первом, и даже в древнем Спартаке... Все зависит от того, про что сыграть, есть ли в том боль сегодняшнего дня.

— Леонид Вячеславович, как каждый актер, вы встречаетесь со зрителями. Чего вам недостает в этих встречах? Чего в них бывает с избытком?

— Недостает конкретности. Я не говорю о том, что встреча должна быть непременно тематической — по поводу того или иного фильма, той или иной сыгранной роли. Мне кажется, следует искать и находить в таком разговоре проблемы, которые волнуют обе стороны. Например, ситуация в фильме как повод к серьезному разговору о проблеме.

Ведь в фильме «Мы, нижеподписавшиеся...» (простите, что часто обращаюсь именно к этой ленте, уж очень хорошая мне роль в ней досталась) мы не открывали Америк, просто взяли одну из жизненных проблем и показали ее крупным планом — для того, чтобы люди оглянулись на себя, на окружающий, на ситуацию в собственном учреждении, на заводе, в институте... Ведь если говорить по большому счету, ради этого снимался фильм, ради этого мы, актеры, играли.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.